

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ "РАДОСТЬ/ГРУСТЬ" СРЕДСТВАМИ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале русского и английского языков)

Андриенко Анна Александровна
К.филол.н., доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

CONCEPTUAL OPPOSITION
"HAPPINESS/SADNESS"
IN PHRASEOLOGICAL UNITS
(comparative analysis of the russian
and english languages)

A. Andrienko

Annotation

The article aims at describing conceptual opposition "happiness/sadness" expressed by the Russian and English idioms. The author of the paper gives a brief review of the common and culturally specific features of the conceptual opposition under study in the two languages. Proceeding from the carried out analysis, the author comes to the conclusion that despite the fact that conceptualization of emotions in two languages greatly coincides, it is possible to trace certain national symbolic dominants.

Keywords: conceptual opposition; verbalization, phraseological unit; linguacultural specific features; symbolic dominants.

Аннотация

Цель данной работы заключается в выявлении лингвокультурной специфики фразеологических единиц, выражающих концептуальную оппозицию "радость/грусть" в русском и английском языках. В статье кратко описываются общие черты, свойственные вербализации анализируемой оппозиции в обеих лингвокультурах. Автор также анализирует национально-специфические средства реализации концептуальной оппозиции "радость/грусть" в двух языках. В заключении делается вывод, что, несмотря на общность концептуализации исследуемых эмоций средствами английской и русской фразеологии, можно проследить и национально-специфические образно-символические доминанты.

Ключевые слова:

Концептуальная оппозиция; вербализация; фразеологическая единица; лингвокультурная специфика; образно-символические доминанты.

Вербализация базовых концептуальных оппозиций, к которым, несомненно, относятся лексемы, выражающие эмоции, языковыми средствами представляет огромный интерес для лингвистов. По словам известного исследователя фразеологии А. В. Кунина, "фразеологизмы представляют собой сгусток культурной информации и позволяют сказать многое, экономя языковые средства, добираясь до глубины народного духа, культуры" [3, с. 50]. Описание смысловых и образно-символических доминант национальной фразеологии позволяют сделать выводы об аксиологических матрицах, лежащих в основе национальной ментальности. Большое значение для интерпретации концептуальных оппозиций имеет сравнительно-сопоставительный анализ разных языков, ведь "межъязыковое сопоставление, в отличие от внутриязыкового, показывает наиболее важные явления обоих языков" [5, с. 7]. В данной статье дается краткий обзор общих и национально-специфических образно-символических доминант концептуальной оппозиции "радость/грусть" в русской и английской фразеологии на основе лексикографического анализа. Объектом исследования послужили разноструктурные фразеологические единицы английского и русского языков, обозначающие эмоциональные состояния радости и грусти.

В основе внутренней формы большинства фразеологических единиц (далее ФЕ), выражающих эмоции радости и грусти в русском и английском языках, лежит базовая когнитивная метафора "верх/низ", в данном случае реализующая антонимические отношения между концептами "радость и грусть". "Низ" традиционно ассоциируется с состоянием эмоционального упадка и печали, что находит выражение в целом ряде лексических единиц, например: *down in the dumps/mouth* – в унынии; *be at rock bottom* – букв. быть у подножия скалы, т.е. впасть в уныние; *down in the doldrums* – в дурном настроении, в депрессии; *in low spirits* – в унынии [8]. В русском языке можно привести следующие примеры, иллюстрирующие данную когнитивную метафору: *опускать/опустить голову; с поникшей головой; вешать/повесить нос; вешать/повесить голову; падать/упасть духом* [6] и т.д. Подобный параллелизм метафорической вербализации грусти в исследуемых языках физически мотивирован, т.е. связан с физическими проявлениями эмоций. В свою очередь состояние радости в обоих языках ассоциируется с чем-то высоким, находящимся вне земли. Так, в частности, фразеологизмы в английском языке *to be/sit on a cloud* – букв. находиться/сидеть на облаке, т.е. быть очень счастливым; *be/jump over the moon* – букв. быть/прыгать выше луны, быть очень счаст-

ливным; *be sent sky high* – взлетать до небес; *feel on top of the world* – букв. чувствовать себя на вершине мира, вне себя от счастья [8]. В русском языке следует отметить следующие ФЕ с похожим компонентом: *вознестись до небес, быть на седьмом небе от счастья, на вершине блаженства* [6]. В этой связи можно отметить не только тождественность счастья концепту "верх", но и целый ряд лексем в составе русских и английских ФЕ, объединенных нами в тематическую группу "небесное пространство": солнце, луна, небо, высота, высь, облака, небеса, верх – рус.; *the sky, the sun, stars, the moon, heaven* – англ. Концепт "небо" является архетипическим элементом, ведь древние философы в своих учениях рассматривали небесную сферу как первоэлемент бытия. Исследователи традиционно связывают происхождение идиомы на *седьмом небе/in seventh heaven* с древними астрономическими теориями, согласно которым небосвод подразделялся на семь сфер, и именно седьмое небо – самая отдаленная от земли сфера – считалось местом обитания божественных существ, то есть, местом полного блаженства. Помимо неба под номером семь, в английском языке есть идиома *to be on cloud nine* (досл. быть на девятом облаке). По данным этимологических словарей [9], происхождения этой идиомы связано с Международным Атласом Облаков, вышедшем на английском языке в 1895 году и подробно описывающем типы облаков. Облака под номером 9 описывались как самые большие, мягкие и пушистые, что и послужило возникновению ассоциативной связи с облаком под номером 9 с максимальным уровнем счастья.

Еще одной образно-символической доминантой, участвующей в реализации концептуальной оппозиции "радость/грусть" в русском и английском языках, является "сердце/heart". Общим релевантным признаком становится связь эмоций радости и грусти в сознании носителей языка с описанием физиологических свойств сердца – сердце бьется, стучит, колотится, работает, вздрагивает и т.д. Так, в русском языке целый ряд фразеологизмов с компонентом "сердце" основываются на описании физиологии самого важного органа в нашем организме: *сердце болит*, т.е. кто-либо переживает; или *сердце кровью обливается*, т.е. кто-либо испытывает чувство глубокого страдания, кому-либо очень грустно; *сердце тоскует, сердце томится* – кто-либо испытывает чувство печали, грусти [6]. В английском языке: *lose heart* – букв. потерять сердце, что означает приуныть, впасть в уныние; *eat one's heart out* – букв. есть сердце, т.е. изводить себя, изнывать от тоски; *wring one's heart* – букв. сжать, сдавить чье-л. сердце [8]. Компонент "сердце" также входит в состав ФЕ, выражающих радость в обоих языках. Например, *do one's heart good* – радовать сердце; *lift up one's heart* – поднять настроение; *gladden one's heart* – доставлять радость кому-л., радовать кого-либо? и т.д. [8]. В русском языке: *сердце радуется/взыграло, сердце поёт/играет*, что означает, что кто-либо испытывает большую радость [6].

Еще одной общей особенностью концептуализации оппозиции "радость/ грусть" и обеих лингвокультурах яв-

ляется ассоциативная связь с погодными условиями. Так, например, в русском и английском языках *пасмурное настроение, темнее ночи (тучи), as black as night/thunder/a thunder cloud* – букв. черный как туча, т.е. мрачнее тучи [8]. Состояние радости также связано с погодными условиями, но противоположного характера, т.е. с ясным, погожим днем. Например, *unclouded happiness* и его полный эквивалент в русском языке *безоблачное счастье*, что означает состояние безграничного счастья.

Интересно отметить еще один образ, лежащий в основе внутренней формы ФЕ – это ассоциация золота со счастьем. Отчасти это языковое явление можно объяснить определенными качествами золота (неподверженность ржавчине, огнеупорность, противодействие кислоте, ковкость, пластичность и т.д.), что еще с древнейших времен сделало его символом вещи, которая лучше и прочнее всех остальных, своеобразным эквивалентом обеспеченной жизни без насущных проблем. Это символическое значение можно проследить в целом ряде фразеологизмов русского и английского языков. Так, например, в русском фразеологизм *золотой век (золотое время, золотая пора, золотые дни)*, в английском языке эквивалентом служит идиома *golden age* [8], что означает время наивысшего расцвета культуры и истории.

Далее остановимся на национально-специфических чертах реализации концептуальной оппозиции "радость/грусть" в русской и английской лингвокультурах. Что касается русской ментальности, то существует два оценочных стереотипа. Во-первых, "русские почти не умеют радоваться". Об этом говорил Н. А. Бердяев в эссе "О власти пространств над русской душой" [1]. А. Вежибицкая [2], А. Д. Шмелев [7] подтверждают это мнение, акцентируя внимание на таких концептах, как тоска, печаль, разлука, страх, гнев, жалость, не исследуя способы выражения радости в русской культуре. Второй стереотип заключается в том, что русское языковое сознание антонимично. В подтверждение этой мысли, приведем слова исследователя А.Б. Пеньковского, который утверждает, что радость – это чувство, оно относится к высокому, духовному миру, а удовольствие – всего лишь положительная чувственно-физиологическая реакция, следовательно, относится к низкому [4, с. 24]. Принимая во внимание выше сказанное, мы отметили, что в русской лингвокультуре целый ряд ФЕ, выражающих радость, содержат компонент "дух, душа или Бог", т.е. нечто возвышенное, например: *воспрянуть духом, отлегло на душе, или как у Бога (Христа) за пазухой жить*, что означает быть счастливым, жить радостно, жить без забот; *радоваться\обрадоваться как Христову дню* – сильно обрадоваться [6]. Но не только "радость" выражается через ассоциации с "духовным" компонентом, так, ФЕ, выражающие грусть, также содержат компонент "душа": *камень на душе лежит, душа ноет, сосать за душу, душа тоскует* [6]; или ФЕ с отрицательной коннотацией – *всю душу выплакать, света божьего невзвидеть* [6]. Понимание души трактуется как средоточие психической и эмоциональной жизни человека, тесно

связанной с Богом. Более того, душа понимается как внутренний храм, утрата которого ведет к утрате связи человека с Богом, к его моральной гибели и абсолютному несчастью. Душа противопоставлена материальному наслаждению и концептуально выступает в оппозиции к удовольствию, которое несовместимо с чистотой души. Компонент "душа" в русской языковой картине мира играет очень важную роль, что связано с христианским представлением о мире; душа становится воплощением человеческой сущности и образно-символической доминантой вербализации эмоционального состояния человека.

Следующим важным приемом, при помощи которого выражается печаль в русской лингвокультуре, является персонификация. Состояние печали представляется в образе живого существа, который имеет власть над субъектом. Например, фразеологизмы: *тоска взяла, нужда одолела, тоска поедом ест, тоска грызёт/нападает/заедает, тоска сосёт сердце* [6], т.е. печаль превращается в образ дикого зверя, который "поедает" человека морально. Приведем еще несколько примеров: *грусть подкрадывается/подкралась, тоска берёт/находит/наваливается, уныние охватывает, хандра находит/нападает* [6] – здесь образ грусти ассоциируется с движением, в английском языке отсутствует данное средство создания образности.

В отличие от фразеологизмов русского языка, в английском языке имеется достаточно большое количество фразеологизмов, в которых стерта разница между радостью и удовольствием. Эти два состояния синонимичны и одно предполагает другое. Радость или счастье в английской культуре материально и конкретно, оно соотносится с определенными событиями и лицами, в то время как в русской культуре радость соотносится с чем-то высоким. Например, во многих примерах в основе внутренней формы ФЕ в английском языке лежит образ материального благополучия. Например, две синонимичные идиомы *feel like a million dollars* или *look like a million bucks* [8] – букв. чувствовать себя на миллион, косвенно указывают на то, что счастье в деньгах. Данные фразеологизмы образовались в то время, когда один миллион долларов, считался окончательным абсолютном, вершиной вершин. Удовольствие, как и радость, в английском языке также непосредственно ассоциируются с пищей или напитками. Например, идиома *be full of beans* – букв. быть полным бобов, которая означает "быть счастливым" [8]. Считается, что выражение сохранилось с тех времен, когда лошадей кормили бобами, после чего сытые лошади вели себя оживленно и активно [9]. Выражение прижилось, и теперь, говоря об энергичном, живом человеке, используется эта идиома. Или, например, ФЕ *beer and skittles* – букв. пиво и кегли, обозначает настоящее удовольствие, отдых и происходит от полной версии этого выражения: *life isn't all beer and skittles*. Впервые данная идиома была использована Чарльзом Диккенсом для описания праздного образа жизни в романе "Посмертные записки Пиквикского клуба" [9].

Еще одна национально-специфическая черта концептуализации "счастья" в английском языке это ассоциация с образом какого-то реального человека, например: *as happy as a king* – досл. счастлив как король [8]. Кроме того, в английской лингвокультуре можно встретить фразеологизмы, сформировавшиеся под влиянием героев литературных произведений. ФЕ (*as pleased as Punch* – очень довольный, рад-радёнышек [8] – относится к комическому злодею кукольных представлений Панч и Джуди, которые были популярны в Великобритании с середины 1600-х. Сюжеты менялись в каждом представлении, но Панч, как правило, убивал всех людей подряд, и каждое злое дело доставляет ему большое удовольствие [9]. Поэт Уильям Гиффорд был первым, кто употребил данную идиому в своих сатирических произведениях. Еще один образ конкретного человека, являющегося воплощением счастья, это образ отдыхающего – *happy camper* – человек, который наслаждается своей жизнью. Впервые данная идиома появилась в 1986 году [9]. Считается, что дети, которых отправили в летний лагерь, писали домой с новостями о своем опыте и родители говорили о них, что, например: *Johnny is a happy camper*. В настоящее время выражение широко используется для описания счастливого и довольного человека, независимо от того, в отпуске он, или нет.

Одним из наиболее популярных средств создания образности фразеологизмов является сравнение, причем отличительной чертой двух культур является наличие анималистического компонента. В ФЕ, выражающих радость в английском языке, наблюдается сравнение состояний радости и грусти с образом жизни животных. Так, например, (*as happy as a lark* – букв. счастлив как жаворонок, т.е. очень счастлив; (*as happy as a clam* – букв. счастлив как моллюск, означает быть очень счастливым; *be merry as a cricket* – букв. быть веселым как сверчок; (*as happy as a possum up a gum tree* – букв. счастлив как опоссум на эвкалиптовом дереве; *to look like the cat that got the cream* – букв. выглядеть как кот, что съел сметану, т.е. выглядеть довольным и счастливым [8]. ФЕ с компонентом-зоонимом, выражающие концептуальную оппозицию "радость/грусть", есть и в русском языке, но их значительно меньше. Например, выражение *житье, что беловежскому зубру* говорит о жизни, переполненной наслаждениями; наслаждения жизнью реализуется идиомой *все как коту масленица*, фразеологизм *радостна как веселый жаворонок* употребляется для описания веселой, счастливой девушки [6].

Еще одной интересной особенностью вербализации концептуальной оппозиции "радость/грусть" средствами фразеологии является образ стихии, лежащей в основе внутренней формы русских и английских фразеологизмов. Так, в русском языке такой образно-символической доминантой становится вода как воплощение печали, а в английской культуре воздух как средство вербализации радости. Для русского человека грусть и печаль ассоциируются с различными водными элементами, явно имеющими негативное воздействие на человеческую жизнь, о

чем свидетельствуют следующие ФЕ: *горе хлынуло потоком (рекой, волной), пить/испить (полную) чашу горя (горечи) до дна, плакать в три, хлебнуть лиха* [6]. При этом человек, испытывая горе, испивает или оказывается в пучине воды, которая как бы обволакивает его со всех сторон, не давая возможности и надежды на лучшее. В английской культуре воздух ассоциируется с состоянием невероятного счастья. Например, *tread/walk on/upon air* – букв. наступать на воздух, или ликовать, радоваться; *festivity is in the air* – букв. веселье в воздухе, повсюду чувствуется веселье/праздничное настроение; *to throw up one's cap/to throw one's cap in the air* – букв. бросать шапки в воздух, что означает радоваться достижениям [8]. Воздух в английской культуре не является стихией разрушения, т.к. мы не нашли семантической общности слов воздух–буря. Положительная коннотация свидетельствует о том, что воздух, обволакивая землю, концептуализируется как ценность, так как дает возможность всем живым существам дышать и продолжать жить, что находит свое отражение в английских идиомах, выражающих радость.

Наконец, последний аспект вербализации концептуальной оппозиции "радость/грусть", который хотелось бы отметить, это цветовые характеристики. Для русской культуры характерен фразеологизм *тоска зеленая* [6], в котором прослеживается связь тоски и зеленой тины болота, символом затхлости, в котором отсутствуют какие-либо изменения. В результате, болото стало символом грусти, тоски и печали. Во фразеологизмах *чёрная меланхолия, чёрная тоска, чёрная хандра* [6] символом грусти становится черный цвет. Наиболее значимыми являются противопоставления белого и черного, которые соотносятся с оппозициями жизнь/смерть, хороший/плохой. Анализируя ФЕ английского языка, явным признаком отличия от русской культуры становится спектр цветов, являющихся символами печали. Так, на примере фразеологизмов *blue funk* – букв. синий испуг означает депрессию и *blue devils* – букв. синие демоны, т.е. уныние, печаль [8]. Как видно из примеров, синий цвет ассоциируется с грустью. Некоторые этимологические словари идиом относят происхождение значения *blue* грустный к выраже-

нию *blue devil*, которое появилось в XVII в. как обозначение злобного демона *baleful demon* [9]. Возможно, *blue* пользовалось для описания удрученного состояния человека, терзаемого таким демоном. Исходя из другой версии, появление этого значения объясняется метонимическим переносом: мертвенный цвет кожи (бледность), вызванная беспокойством – само состояние беспокойства, тоски. Для выражения радости в английском языке также могут использоваться цветовые характеристики. Например, *look through rose tinted spectacles/rose-coloured glasses* – смотреть на что-то сквозь розовые очки, *paint the town red* – букв. красить город в красный цвет, обозначающая состояние буйного веселья или радости [8]. Существует несколько версий относительно происхождения этой фразеологической единицы. Одной из наиболее известных является история 1837 года. Говорят, что в этом году маркиз Вотерфорд (Waterford) и группа его друзей начали бунт в городе Лестершир, где раскрасили несколько зданий в красный цвет [9]. Еще один английский фразеологизм, в основе которого лежит цветовой компонент: *to mark with a white stone* буквально обозначает день, который был отмечен белым камнем, т.е. как особо счастливый. Еще с давних времен римляне использовали белый камень или кусок мела, чтобы отмечать свои счастливые дни в календаре, в то время как несчастливые помечались черным углем. Видимо, эта традиция была заимствована англичанами и отразилась в описании состояния счастья.

Таким образом, мы кратко охарактеризовали образно-символические доминанты, лежащие в основе внутренней формы фразеологических единиц, реализующих концептуальную оппозицию "радость/грусть" в русском и английском языках. В целом, следует отметить, что во многом концептуализация исследуемых эмоций средствами английской и русской фразеологии совпадает (когнитивная метафора "верх/низ", компоненты "небесное пространство", "сердце", "золото"), но также можно проследить и национально-специфические компоненты (ассоциации со стихиями вода/воздух, цветовые характеристики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо–Пресс, 2000. 734 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 416 с.
3. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М.: Междун. отношения, 1972. 288с.
4. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Литагент "Знак", 2004. 464 с.
5. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 208 с.
6. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 20.11.2017).
7. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
8. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.11.2017).
9. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 26.11.2017).